

4. На третій день пришолъ къ сонцу. Сонце и говоритъ: „Жена, испеки-ко блиновъ!“—„Да дровъ нѣтъ, печь топить нѣчѣмъ“.—„А я лёгу возлѣ квашонку-ту, такъ ты на меня только налевай да сымай: онѣ *пекчѣсь* то и стануть“. — Пообѣдали.

5. Старикъ пришолъ домой и сталъ продѣлывать ету жо самую исторію: лёгъ возлѣ квашню, а старухѣ приказалъ налевать да сымать. Старуха лила, лила—нечевѣ не пекотца. Опрокинула квашню и всѣ *шары* старику залѣпила.

Потомъ старикъ пошолъ въ баню. Когда вышолъ изъ бани, сѣлъ на грѣдку и зовѣтъ старуху [спать]. Старуха и говоритъ: „Да вѣдь упадѣмъ?“—„Да вѣдь я видѣлъ: зять то также спалъ, да не валился“. — Когда старуха слѣзла на *грѣдку*, хотѣла ложница, — да *на перемѣтку* внизъ. Тутъ и убилась.

20. [Солдаты и покойники-колдуны].

1. Шолъ солдатикъ со службы. Врѣмѣ было осѣнное. Онъ дошолъ до одной деревни и попросился у мужичка ночевать.—„Эй, хозяинъ, дома ли?“—„Нашто, служивой?“—„Пустьи ночевать прохѣжова солдата!“ — „Милости просимъ!“

Солдаты пришолъ въ ызбу; хозяинъ чаѣмъ напоилъ ево, ужиной накормилъ; солдаты и говоритъ: „А што жъ, хозяинъ, гдѣ бы мнѣ портянки посушить?“—„У меня севодня топлена баня и навѣрно тамъ тепло“.

Пришли въ баню. Баня была бѣлая, съ печкой. Солдаты розулъ портянки, посалъ на печку и говоритъ: „А што жъ, хозяинъ, я, пожалуй, здѣсь и ночую: здѣсь такъ тепло и такъ хорошо!“—„Да къ што жъ, служивой, пускай! ночуйте!“

Солдаты сказалъ: „вотъ што, хозяинъ! я люблю утромъ ходить по холоду. И, штобы не тревожить васъ, можно уйти не спрося завтрѣ утромъ?“—„Што-жъ, служивой, съ Богомъ! Кто васъ будѣтъ держать? Вотъ я тебѣ оставляю фонарь, штобы вамъ ловчѣе было собирацца въ дорогу!“—Хозяинъ ушолъ, а солдаты остались; закурилъ табачку, погасилъ свѣчу и лёкъ спать.

2. Ночью пробужаётца и думаетъ себѣ: „Кабы у меня портянки не сгорѣли на печкѣ?“—Засвѣтилъ свѣчу, снялъ портянки—онѣ уже были сухіе—и слышитъ: хто то *шабарчѣтъ* за печкой.

Сталъ осматривацца солдатъ кругомъ: никово негдѣ не видно. Загленулъ и въ печку—и тамъ никово нѣтъ. Посмотрѣлъ въ *кожухъ*: тутъ вѣситца человѣкъ кверху ногамъ—весь закоптѣлой.

Испугался солдатъ, схватилъ свои сапоги и шинель, выскочилъ изъ бани и давай бѣжать въ другую деревню. Не покойника онъ испугался, а думалъ, што етотъ хозяинъ бѣтъ прохожихъ и вѣшаетъ въ печку и въ *кожухи*. Онъ думаетъ, што сейчасъ прибѣжать и ево зарѣжутъ.

3. Добѣжалъ до деревни. Въ крайнемъ домѣ увидѣлъ огонѣкъ. Ворота были не заперты. Солдатъ прибѣжалъ прямо въ ызу и залѣзъ на печку. Хозяинъ увидѣлъ: „Што такое? прибѣжалъ солдатъ босикомъ и шинель ташчѣтъ подъ пазухой“. — И сталъ спрашивать: „Што, служивой? Што случилось съ тобой?“ — А солдатъ не можетъ слова сказать.

Хозяинъ принёсъ водки, подалъ солдату и опять сталъ спрашивать. Тогда только солдатъ сказалъ: „Я начевалъ въ сосѣдней деревнѣ, въ крайномъ домѣ у богатова мужика въ банѣ; а у нево въ *кожухъ* повѣшенъ человѣкъ кверху ногамъ и коптѣтъ. Должно быть онъ нашево брата—прохожихъ-то—и вѣшаетъ въ *кожухъ*!“

Молодой хозяинъ подумалъ и сказалъ: „Это непременно мой отецъ: онъ потерялся лѣтомъ; сколько мы искали, и нигдѣ не могли найти ево. Онъ служилъ лѣснымъ объѣзчикомъ“. „Пойдёмъ, служивой, посмотримъ!“ — „Мнѣ што? пойдёмъ!“

Когда пришли въ баню, заглянули въ *кожухъ*,—и молодой мужичокъ узналъ своёва отца. Тогда собрались онѣ съ солдатомъ и пошли къ хозяину въ ызу.

4. Только переступили порокъ, хозяинъ испугался и задрожжалъ. А молодой человѣкъ и говоритъ ему: „Злодѣй! ты убилъ моево отца! мало того, што ты ево убилъ, ты повѣсилъ ево въ *кожухъ* и коптѣшь! Лучше бы ты

зарылъ куда-нибудь ево въ земљу!“—„Помилуйте, молодой человѣкъ“,—сказалъ хозяинъ:—„я нѣсколько разъ ево зарывалъ, но онъ не даётъ мнѣ покою не днёмъ не ночью, пока не повѣшу въ кожухъ, каждую ночь и каждой день онъ ко мнѣ ходилъ!.. Вотъ што молодой человѣкъ! вѣдь мёртвова тебѣ не воскресить, а меня ты *укалішь* хотя въ каторжны работы. Давай помиримся!“

„А сколько ты дашь?“ спросилъ молодой человѣкъ.—„Сколько возьмёшь?“—„Тыщу рублей“.—Хозяинъ отперъ шкатулку, отсчиталъ десять сѣтельныхъ и подаётъ молодому человѣку. Тотъ взялъ деньги.

А солдатъ и говорить:—„А што, выразѣ за одно *бытѣ* людей?! Сейчасъ донесу полиціи! Я васъ обоихъ *укалю*. Острогу мало будётъ!“—Тогда сказалъ хозяинъ: „Эхъ служивой, твоё дѣло—сторона! возьми сколько-нибудь и поди съ Богомъ!“—„Триста рублей!“ сказалъ солдатъ.—Хозяинъ отсчиталъ и спросилъ: „Сколько возьмёшь, служивой, похоронить етова покойника?“—„Сто рублей, да лошадь съ телѣгой“.—Хозяинъ далъ.

5. Добыли покойника изъ кожуху, сдѣлали гробъ; у солдата находилась запасная такая шинель; наредили въ неё покойника, положили въ гробъ; солдатъ сѣлъ и поѣхалъ. Это всё было сдѣлано есчѣ до свѣту — никто не видалъ.

Село было отъ той деревни вёрсъ десять, въ *волоку* на большой дорогѣ. Приѣзжаетъ солдатъ въ село, приходитъ къ свяшшеннику и говорить: „Вотъ я привёзъ покойника — въ дорогѣ товарищъ померъ — нужно ево похоронить“. — За похороны съ нево взяли: свяшшенникъ пятьдесятъ, дьяконъ тридцетъ, да псаломшикъ двадцать рублей; у нево и осталась въ барышахъ только одна лошадь.

6. Когда похоронили, солдатъ продалъ лошадь съ телѣгой, а въ селѣ томъ былъ кабакъ. Зашолъ въ кабачокъ и давай пировать. Денѣхъ много, и деньги лёгки, — што не пировать? Пировалъ онъ нѣсколько дней. Сколько пропилъ, остатки потерялъ.

Просыпаетца въ одинъ прекрасной день, — у нево въ карманѣ ни копѣйки; голова тресчить, а выпить нѣ на што. Пошолъ солдатъ по дорогѣ и думаетъ про себя: „Што мнѣ теперь дѣлать?“—И услышалъ позадѣ себя глухой гробовой

голосъ. Оглянулся назадъ и увидѣлъ: за нимъ бѣжитъ тотъ самой покойникъ, которова онъ хоронилъ.

„Эхъ, служивой, дождай!“ — „Ты кто такой?..... Да вѣдь я тебя похоронилъ!“ — Усмѣхнулся покойникъ и говоритъ: „Я вѣдь былъ сильный *еретъникъ*! Я могу ходить и послѣ погребенья“. — „Ну тогда пойдёмъ вмѣстѣ — двоимъ вѣдь будётъ веселѣе“.

Прошли онѣ нѣсколько вёрстъ, стало темнать; еретъникъ и говоритъ: „Што-жъ, служивой, гдѣ бы намъ ночевать?“ — „Мнѣ всё равно, — хотя тамъ, хотя здѣсь!“ — Еретъникъ говоритъ: „Пойдёмъ въ сторону; не вдалѣкѣ здѣсь есь домъ, и мы тутъ начнёмъ“.

Пришли. Въ дому была одна старуха. Еретъникъ и учитъ солдата: „Ты поступай смѣлѣе! ничево тебѣ не будётъ — я помогу тебѣ!“ — Солдатъ и говоритъ старухѣ: „Старуха, собирай на столъ!“ — Старуха собрала на столъ и принесла, что у неё было. Солдатъ сколь ѣсъ, а еретъникъ въ шестеро больше. — „Счѣ жо ты, солдатушко, ровно за шошътерыхъ одинъ ѣшь?“ — „Да, бабушка, проголодаёшься, тогда поѣшь и за шестерыхъ!“ — Поужинали. Солдатъ улѣзъ на печку спать; еретъникъ подлѣ него.

7. Немного прошло времени, вдругъ сдѣлался на дворѣ страшной шумъ. На дворъ вѣхало пять человекъ; то были разбойники. Приходятъ въ избы и говорятъ: „Старуха, собирай на столъ!“ — „У меня есь какой-то солдатушко, такъ чуть не всё у васъ шѣлъ!“ — „Погоди, поужинаемъ, тогда мы надъ етимъ солдатомъ потѣшимся!.. Эй, служивой, поди сюда!“

Солдатъ слѣзаетъ съ печки, а еретъникъ у него за *крыльчамъ* тутъ и торчѣтъ. Хозяинъ наливаетъ стаканъ водки и подаётъ солдату. Солдатъ принялъ, посмотрѣлъ, а въ стаханѣ очутилась человѣческая кровь. А еретъникъ ему и шопчѣтъ: „Выпей, солдатъ! не твой грѣхъ! Всё равно!“ — Солдатъ выпилъ.

Хозяинъ берётъ ножъ, встаётъ изъ стола, хотѣлъ солдата зарѣзать. Какъ еретъникъ *тарарѣхнётъ*, полетѣли только первѣй да другѣй, и всѣхъ разбойниковъ прибилъ.

Забрали онѣ у нихъ всѣ деньги, пошли съ ночлега.

8. Вышли на большую дорогу — уже рассвѣтало. Еретъ-

никъ говоритъ: „Давай, служивой, дѣлать теперь деньги!“ — „Мнѣ што!“ — Вывалили. Солдатъ расклатъ въ двѣ кучки: „Одна тебѣ, другая мнѣ,—любую бери!“—Еретъникъ взялъ одну:—„Эта моя; я её отдаю тебѣ за то, што ты меня похоронилъ! а то я бы и тепѣре коптѣлъ есчѣ въ *кожухъ*“. — Скрылся.

9. Воротился солдатъ въ село и давай пировать. Коротко ли долго ли пировалъ, пропилъ всѣ деньги и сталъ просить у одново мужичка: „Дай пять копѣекъ!“ — Отказалъ.—„Когда у меня были деньги, всѣ были пьяны!.. Дай-ко пойду къ еретънику“. — Приходитъ на кладбище, а могилу и позабылъ. Похаживать; *наткался* на одну могилу, въ которой была дыра.—„Э, онъ ушолъ опять куда-нибудь, бездѣльникъ, не сидитца дома-то! Я подожду!“ — Сѣлъ и дожидаетъ. Около двѣнадцати часовъ нѣчи увицѣлъ: бѣжитъ къ нему еретникъ,—но только не тотъ, которова онъ хоронилъ.—„Убирайся съ мѣста, а то я тебя съѣмъ!“—„У меня тесакъ есь!“ — Заскрежеталъ зубами. — „Скажи, куда ходилъ,—уберусь!“ — „Заколдовалъ жениха и невѣсту, онѣ теперь стоятъ статуями“. — „Скажи, чѣмъ ихъ лѣчить,—пусшу!“—„Отсѣки отъ моего савана лоскутокъ, сожги; пепелъ отпусти въ воду, збрызни етой водой три раза, потомъ напой—и онѣ будутъ опять какъ прежде“.

Солдатъ убрался. Еретъникъ полѣзъ, а солдатъ цѣлую полу *отчиклѣчилъ* отъ ево савана. [Потомъ солдатъ вылѣчилъ жениха и невѣсту, и получилъ за это большія деньги].